

Историческая ответственность в свете «трудных вопросов» истории

УДК 22.03.336

ГРНТИ 03.29

Историческая ответственность в ракурсе межпоколенческих отношений Historic responsibility in terms of intergenerational relations

Вишневский Сергей Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор.

Вишневский Юрий Рудольфович,

доктор философских наук, профессор

Сильчук Евгений Владимирович, аспирант

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»,

кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления

Екатеринбург, Россия

soc_stu@el.ru

Аннотация

В статье на основе анализа теоретических проблем исторического события и исторической памяти рассматриваются результаты социологических исследований студенческой молодежи по проблемам исторической памяти о Великой Отечественной войне, выявляются «пробелы» и деформации в этой памяти.

Abstract

This article based on an analysis of the theoretical problems of historical events and historical memory discusses the results of the sociological research students on the problems of historical memory of the great patriotic war, identifies "gaps" and deformation in this memory

Ключевые слова: История, социология, историческая социология, теория события Рикёра. Историческая ответственность, историческая память, Великая Отечественная война как историческое событие, поколение, межпоколенческие отношения.

Keywords: History, sociology. Historical Sociology. Riker's theory of event. Historic responsibility, historical memory, the Great Patriotic War as a historic event, generation, intergenerational relations.

Представляя социологический взгляд на историческое событие, отметим сложность *взаимодействия социологии и истории* как наук. М. Блок в своей прекрасной «Апологии истории», на наш взгляд, излишне резко противопоставил наши науки. Он упрекает «социологов дюркгеймовской школы», что они, «резервируя за своей наукой все, поддающееся, по их мнению, рациональному анализу», отводят истории место «подальше, в жалком уголке наук о человеке; что-то вроде подвала, куда социологи, сбрасывают факты человеческой жизни, которые им кажутся наиболее поверхностными и произвольными» [1]. Подобные упреки, возможно, и справедливы в отношении *вульгарного социологизаторства* истории, подпитываемого и историками («История – это политика, опрокинутая в прошлое» /М.Н. Покровский/; «Для разрешения вопроса о современных направлениях в истории и их вероятной будущности важны не столько социальные приобретения исторической науки, сколько те социологические принципы, которые принимаются в основу исторических исследований» /Н.А. Рожков/ [2]), и социологами (по Конту, социология – «история без дат и имен» [См.:3]). Но сегодня в рамках *исторической социологии* [См.: 3, 4, 5, 6] как особой области социологического знания обосновывается тесное *взаимодействие* обеих наук.

Такое взаимодействие не снимает различий между историей и социологией. Причем эти различия не сводятся к распространенному разграничению их по объекту анализа: история – наука о *прошлом*, социология – о *настоящем*. М. Блок справедливо выделил исходное (этимологическое) значение истории (*ιστορία* – «исследование», «распрос», «рассказ», «знание») и определил ее как науку «*о людях во времени*». Это подкреплено им на примере Ж. Мишле («стремился раскрыть психологию французского народа и «воскресить» его прошлое путем живого описания различных сторон его жизни») и Ф. де Куланжа («История – не скопление всевозможных фактов, совершившихся в прошлом. Она – наука о человеческих обществах») [1]. На этой основе обосновывается двуединая задача (в решении которой, на наш взгляд, наиболее полно проявляется взаимодействие истории и социологии) – «*понять настоящее с помощью прошлого*» и «*понять прошлое с помощью настоящего*» [1]. Только такое целостное понимание позволит и истории, и социологии реализовать свои прогностические функции. Ныне активно идет процесс, о котором писал Н.В. Романовский: «Взаимоотношения некоторых общественных дисциплин могут перейти в плоскость формирования «социальной науки» о прошлом, настоящем, будущем общества.

В центре внимания и историка, и социолога *исторические события*. Но историк стремится эти события зафиксировать (реконструировать) и интерпретировать, для социолога важнее выявить отношение человека к ним, их оценка и роль как компонентов его сознания, мировоззрения и мотивов его поведения.

Поэтому, на наш взгляд, очень важно социологически осмыслить *концепцию исторического события П. Рикёра*. «В начале любого исследования понятие исторического события, – справедливо пишет он, – представляется столь же обманчиво очевидным, как и большинство понятий обыденного сознания. Оно влечет за собой два ряда некритически понимаемых утверждений – онтологических и эпистемологических, причем первые служат основой для вторых» [7, 114].

«Историческое событие» можно понимать по-разному – *научно и обыденно*. Чтобы поднять концепт «историческое событие» до ранга научного понятия, необходимо рассмотреть и утверждения обыденного сознания. Когда об «историческом событии» говорит «ученый» человек и просто человек, существует «смысловой зазор». Этот «зазор» необходим, так как является источником понимания. Но именно он очень часто приводит к непониманию. Непонимание *между учеными* отличается от непонимания между *наукой и обыденным сознанием*. И там, и там говорят о непонимании, это разные виды непонимания.

Второй важный момент – онтология обосновывает эпистемологию. В «событии» план «события» определяет план «события». «В онтологическом смысле под историческим событием понимается то, – подчеркивает Рикёр, – что действительно произошло в прошлом. Само это утверждение многоаспектно. Прежде всего, мы допускаем, что свойство «уже произошедшее» радикально отличается от «еще не произошедшего»; в этом смысле минувшая реальность того, что произошло, рассматривается как *абсолютное свойство* (прошлого), независимое от наших конструкций и реконструкций. Это первая черта является общей для физических и исторических событий» [7, 114] «Прошлое» как реальность само является *темпоральным*. В данном контексте, темпоральность передается как свойство. Вопрос в том, единственное ли это свойство прошлого? Если – да, то проблема переносится из онтологии в эпистемологию, и ставится вопрос: как воспроизвести, то, что уже произошло? Если – нет, то онтология вообще, и онтология прошлого, в частности, усложняются. Развивая идею П. Рикёра («прошлое имеет абсолютное свойство»), можно говорить и об *отношении*. Отношение – в отличие от свойства, которое принадлежит только прошлому, говорит о существовании, кроме реальности прошлого, еще одной темпоральной реальности. При таком подходе проясняется не только прошлое, но и реальность (место, позиция) *из которой рассматривается прошлое*. В противном случае придется утверждать, что можно смотреть из ниоткуда. Это приведет к еще более усложненной ситуации, так как одновременно

необходимо будет говорить о *реальности, которую мы рассматриваем* (в данном случае – прошлое), и *реальности, из которой мы смотрим*. Поскольку сама связь двусторонняя, то не только мы изучаем прошлое, но и прошлое «изучает» нас. Это не одинаковые способы изучения: с точки зрения прошлого (как реальности) то, откуда кто-то смотрит и изучает его, есть для этого прошлого одна (и, может быть, не всегда наилучшая) возможность. Социологически данная ситуация позволяет показать: могут реализоваться разные возможности, и между ними будет противоречие – не только в настоящем (разные реализации), но и за то, чтобы показать свою реализованную возможность как единственную и необходимую. Переплетение этих важнейших проблем и приводит, в конце концов, к вопросу: «А было ли вообще прошлое?» Но тот, кто отрицает прошлое, на самом деле хочет сказать и говорит, что было совершенно другое прошлое.

Общая черта для физических и исторических событий – различие между «уже происшедшим» и «еще не происшедшим». Различие природы и истории не абсолютное, а имеет оттенки и аспекты сходного. Или по-другому: «было» (как момент существования) – это то, что объединяет природу и историю, но тем самым, говорит об истории природы и истории людей. «Вторая черта ограничивает поле исторического события: среди всего, что произошло, некоторые события – дело агентов, подобных нам; исторические события, – развивает свой подход Рикёр, – это, следовательно, то, что совершают или претерпевают действующие существа. Обычное определение истории как познания действий людей прошлого обусловлено этим ограничением сферы интереса событиями, относимым к человеческим агентам» [7, 114]. Из общего массива прошлого выделяются события, связанные с деятельностью людей. Парадокс этого выделения состоит в том, что историческое событие не только ограничивается от события вообще, но (и об этом нередко забывают) одновременно расширяет поле события вообще.

«Третья черта, – по мнению Рикёра, – является следствием разграничения, осуществляемого внутри практического поля возможной сферы коммуникации: к понятию человеческого прошлого прибавляется, как основное препятствие, идея *инаковости*, или *абсолютного* различия, затрагивающая нашу способность к коммуникации. По-видимому, следствием нашей способности искать понимания и согласия (в чем Хабермас видит норму универсальной прагматики) является то, что наша способность к коммуникации встречает как вызов и препятствие чуждость иного индивида, понимание которого дается лишь ценой признания его неустранимой инаковости» [7, 114-115].

Понимание исторического процесса как коммуникативного поля приводит Рикёра к соотнесению отношения «настоящее – прошлое» с отношением «свое – иное». В этом контексте предстоит решать проблему единства логического и исторического: генетический

аспект говорит о том, что сначала было «иное», а потом появляется «свое»; а с точки зрения логического подхода, «иное» – так или иначе – есть противопоставленное «своему». Диалектика «своего» и «иного» в концепции темпоральности усложняется еще и тем фактом, что если «настоящее» признается за «свое» и одновременно делается точкой отсчета – «одно», то реальности «прошлого» и «будущего» одновременно являются «иными», но совершенно разными «иными».

Таким образом, онтология исторического события в трактовке П. Рикёра есть постепенное ограничение события. Принципы этого ограничения следующие: природа, человеческая деятельность и коммуникация. В зависимости от контекста мы можем понимать историческое событие как естественное событие, как результат человеческой деятельности и как способ человеческой коммуникации, построенный по модели «свое – иное». К заслугам П. Рикёра следует отнести тот факт, что он не противопоставляет эти черты исторического события. В отличие от обыденных представлений, которые не различают в историческом событии различные аспекты, научный подход требует не только указать различные аспекты, но и дать им логическое обоснование. Можно не соглашаться с логикой П. Рикёра, но учесть ее нужно. Тем более, что онтологические допущения обосновывают эпистемологические. «Этому тройному онтологическому допущению – абсолютное прошедшее, абсолютно прошедшее человеческое действие, абсолютная инаковость – соответствует тройное эпистемологическое допущение. Прежде всего, мы противопоставляем неповторимую единичность физического события или события человеческой жизни универсальности закона. Идет ли речь о высокой частоте в статистическом смысле, о каузальной связи или функциональном отношении, событие – это то, что происходит лишь однажды. Далее, мы противопоставляем практическую случайность логической или физической необходимости: событие – это то, что могло произойти по-другому. Наконец, инаковость находит свой эпистемологический эквивалент в понятии отклонения от всякой сконструированной модели или любого инварианта» [7, 114-115].

Рассмотренный подход к историческому событию хотелось бы конкретизировать в двух аспектах: с одной стороны, – в плане *межпоколенческих* отношений, с другой, – применительно к такому выдающемуся историческому событию, как *Великая Отечественная война (1941-1945 гг.)*.

Современная жизнь подтвердила гениальный прогноз антрополога М. Мид об изменении типа межкультурных коммуникаций: от *постфигуративной культуры* (изменения проходят медленно и незаметно; опыт, обычаи и установки старшего поколения – носителя традиции – заимствуются детьми, определяют и предопределяют их поведение) через *кофигуративную культуру* (каждое поколение считает естественным, когда поведение нового поколения

отличается от предшествовавшего; дети преимущественно осваивают нормы-ценности своего поведения не от взрослых, старших, а от сверстников) к новой *префигуративной культуре* (формирующаяся культура будущего, когда именно новое поколение /«дети»/ будет определять поведение старших, которые должны быть готовы учиться и у них). Сбываются слова (М. Мид) «Раньше взрослый мог сказать молодому: «Ты должен слушаться меня, потому что я был молодым, а ты не был старым, поэтому я лучше тебя все знаю». Сегодня он может услышать в ответ: «Но вы никогда не были молоды в тех условиях, в которых предстоит жить нам, поэтому ваш опыт для нас бесполезен» [8].

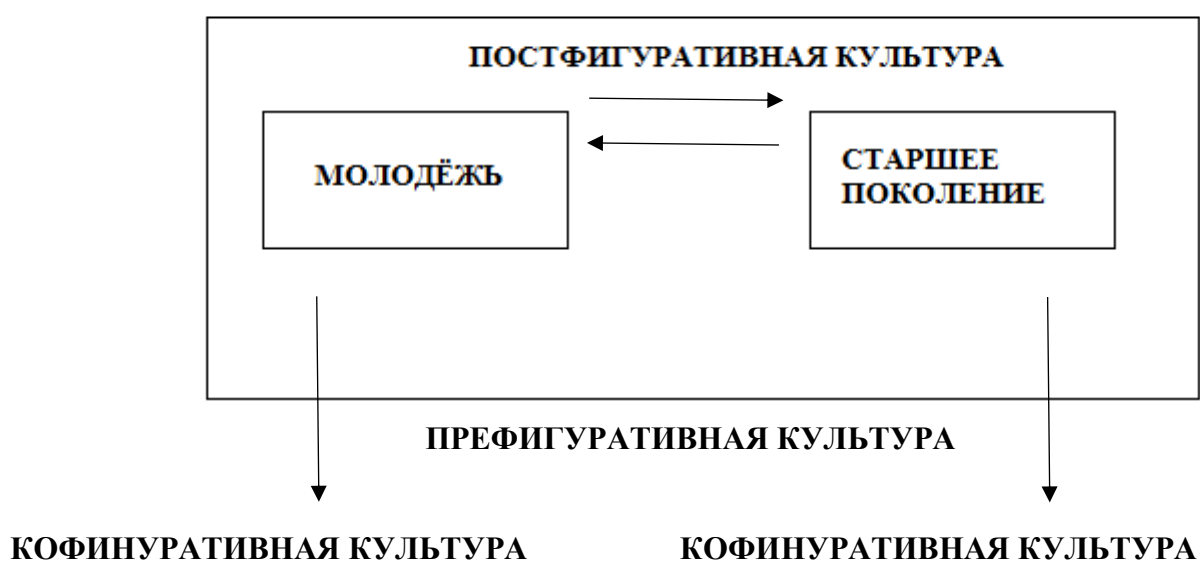

Рис. 1. Концептуальная схема теории М. Мид о «трех культурах» [8, 322]

Указанная трансформация с определенными корректировками может быть применена и к *исторической памяти*. В социологической литературе утверждается ее трактовка как процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания; компонента исторического сознания, «совокупности транслируемых от поколения к поколению знаний и представлений, ценностей и символов, идей и убеждений, верований и обычаев, традиций, норм и правил поведения», «ядра этнической и культурной самоидентификации людей, оказывающей существенное влияние на регуляцию поведения индивидов, коллективов, социальных групп и сословий, этносов и общества в целом» [9, 10].

Важный момент – *подход М. Хальбвакса*, соотнесшего «коллективную память» и «индивидуальные рамки памяти»: «Наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [11, С. 28-29]. Ученый выделил: социальную детерминированность памяти индивидов и групп; исторический характер коллективной памяти («история не просто воспроизводит рассказы современников о событиях прошлого, но время от времени и подправляет их – не только потому, что располагает другими свидетельствами, но и с тем, чтобы приспособить их к приёмам мышления и репрезентации, свойственным нынешним людям»); реконструкцию воспоминаний; изменяемость прошлого в памяти индивидов; изменяемость воспоминаний со временем и их несохраняемость; рост обращений коллективного сознания к памяти о прошлом в эпохи социальных потрясений и переворотов [11, 56, 127, 129, 209 325-326]. Важно акцентировать и выявленную им *сложность формирования памяти* в неоднородном, исторически возникшем и фрагментарном пространстве общества. При этом отмечалось, что «память о прошлом и формируется, и деформируется одновременно». К сожалению, требование Хальбвакса к наукам об обществе – «принимать во внимание этот двойной процесс – как минимум, делая поправку на его искажающее воздействие, а также исследуя законы его протекания» [11, 24] – до сих пор все еще недооценивается – и историками, и социологами.

В ряду событий, определяющих историческую память современной российской молодежи (особенно – студенческой молодежи), среди факторов, влияющих на её патриотическое воспитание, события Великой Отечественной войны по-прежнему занимают важное место. И все-таки социологический анализ представлений российских студентов о Великой Отечественной войне не может не учитывать и влияние иных факторов. Ведь не только прошло более 70 лет после Великой Победы (а это – три «шага» поколений), но и произошло столько событий, которые могли бы заслонить в сознании молодежи её значимость.

В рамках трех этапов федерального мониторинга (2005, 2010, 2015 гг.) выявлялись в динамике представления российского студенчества о Великой Отечественной войне [12]. Общая тенденция наблюдений: в 2015 г. по всем параметрам проявляется рост. Очевидно, сказался общероссийский патриотический подъем в связи с воссоединением Крыма с Россией, неприятие большинством россиян антироссийского курса стран НАТО, вызванного событиями на Украине, качественные изменения в армии.

У большинства современных студентов заметна устойчивость позитивной тенденции: несмотря на то, что прошло еще пять лет, интерес к Великой Отечественной войне сохраняется. 84% (в 2010 г. – 82%) не согласились с мнением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно». 3 из каждых 5 респондентов уверены: «Подвиг старших

поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут и в будущем примером для новых поколений». Но важно учитывать и мнение каждого пятого, что «с годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы». А 9% вообще считают: «Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи». Кстати, это совпало с числом тех, для кого День Победы – «просто выходной».

В ряду позитивных моментов – почти у каждого второго в семьях сохраняются реликвии военных лет, уверенность в том, что именно СССР сыграл ведущую роль в Победе над фашизмом (на всех этапах мониторинга таково мнение 95-96% респондентов); неплохое знание событий – устойчиво в «пятерке» Сталинградская битва, Битва на Курской дуге, Блокада Ленинграда, Битва под Москвой, Штурм Берлина (хотя каждый пятый не смог назвать ни одного сражения), полководцев – Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. В. Конев, А. М. Василевский, И. В. Сталин (вновь каждый пятый не назвал ни одного), фильмов и литературных произведений.

Именно на примере фильмов и телефильмов о войне, как и на предыдущих этапах исследования, мы попытались выявить отношение современного студенчества к различному по характеру и направленности художественному изображению событий теперь уже далекого для них прошлого, которое, в силу своего непосредственного эмоционального воздействия порой воспринимается им как реально существовавшее (Табл.1).

Показательно и возрастание доли студентов, отвергающих негативное изображение войны и ее участников. Одновременно проявляется и привыкание (а потому и сокращение) к тому, события войны не подаются в искаженном-лакировочном виде.

Таблица 1

Суждения о современных фильмах о ВОВ

Варианты ответа	2005	2010	2015
Перестали приукрашивать события тех лет	19	12	10
Это – не вся война, но была и такая война, новые поколения должны знать правду	75	79	72
Участники Великой Отечественной войны изображаются в этих телесериалах негативно, это подрывает уважение к ним	6	9	18

Литература:

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Пер. Е. М. Лысенко. Примеч. и статья А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. 236 с.
<http://historik.ru/books/item/f00/s00/z0000028/st002.shtml>
2. Историческая концепция М.Н. Покровского. Н.А. Рожков // Сидоренко О.В. Историография IX-нач. XX вв. Отечественной истории. Владивосток: Изд-во ДГУ, 2004.
<http://txtb.ru/9/24.html#>
3. Романовский Н.В. Историческая социология в структуре социологического знания // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 10-19.
4. Романовский Н.В. Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 7-14.
5. Романовский Н.В. К итогам «круглого стола» по исторической социологии // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 123-132.
6. Афанасьев В.В. Социология истории. М.: «Канон+», 2008. 240 с.
7. Поль Рикер. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Пер. с фр. Т. В. Славко. Научн. ред. И. И. Блауберг. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 313 с.
8. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / Пер. с англ. Ю.А. Асеева; Сост., авт. послесл. и отв. ред. И.С.Кон. М.: Наука, 1988. 429с.
<http://www.studfiles.ru/preview/4173487/page:41/>
9. Бойков В.Э., Меркушин В.И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования / Историческая память в массовом сознании российского общества (Результаты социологического мониторинга) // Социология власти. 2003. №2. С.5-22.
10. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С.3-15.
11. Хальбвакс Ф. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
12. Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне : материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого; Рос. общ-во социологов; М-во образования и науки РФ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 303 с.